

**Российский совет
по международным
делам**

РАБОЧАЯ ТЕТРАДЬ

**О МНОГОСТОРОННЕМ ПОДХОДЕ
К ПРОБЛЕМЕ ЯДЕРНОГО
РАЗОРУЖЕНИЯ**

№ IX

2013

Российский совет по международным делам

Москва 2013

УДК 341.67
ББК 66.4(0),303.1
О-11

Российский совет по международным делам

Главный редактор:

докт. ист. наук, член-корр. РАН **И.С. Иванов**

Авторский коллектив:

докт. полит. наук **А.Г. Савельев** (руководитель коллектива);

докт. техн. наук **В.З. Дворкин**; канд. воен. наук **В.И. Есин**; **Н.Н. Детинов**

Выпускающие редакторы:

канд. полит. наук **И.Н. Тимофеев**; канд. полит. наук **Т.А. Махмутов**;

канд. полит. наук **Н.С. Евтихевич**

Настоящая работа имеет своей целью рассмотреть один из возможных вариантов продолжения процесса ядерного разоружения с участием государств – членов «Большой пятерки». В работе рассматриваются возможные действия Российской Федерации по вовлечению в процесс ядерного разоружения третьих стран, проводится анализ существующего положения дел в данной сфере, оцениваются возможные подходы к решению проблемы. Автор раскрывает ключевую идею, которая могла бы лечь в основу многосторонних переговоров, предлагает практические шаги и этапы ее воплощения в жизнь. В работе учитываются точки зрения ведущих специалистов в ядерной сфере, высказанные в интервью.

Высказанные мнения отражают исключительно личные взгляды и исследовательские позиции авторов и могут не совпадать с точкой зрения Некоммерческого партнерства «Российский совет по международным делам».

О многостороннем подходе к проблеме ядерного разоружения. № IX. / [А.Г. Савельев и др.]; [гл. ред. И.С. Иванов]. – М.: Спецкнига, 2013. – 32 с. – Авт. указаны на обороте тит. л. – ISBN 978-5-91891-320-8.

© Составление и оформление.
НП РСМД, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

САВЕЛЬЕВ А.Г.

**О многостороннем подходе
к проблеме ядерного разоружения** 4

ДВОРКИН В.З.

**О стратегической стабильности и многосторонних
переговорах по ядерному разоружению (интервью)** 16

ДЕТИНОВ Н.Н.

**О перспективах контроля над ядерными
вооружениями (интервью)** 23

ЕСИН В.И.

**О роли ядерного оружия и многосторонних переговорах
по разоружению (интервью)** 28

Александр Георгиевич Савельев,
*заведующий отделом стратегических исследований
ИМЭМО РАН, докт. полит. наук*

О МНОГОСТОРОННЕМ ПОДХОДЕ К ПРОБЛЕМЕ ЯДЕРНОГО РАЗОРУЖЕНИЯ

Кризис в сфере контроля над ядерными вооружениями

Сегодня многие российские и зарубежные эксперты констатируют наличие серьезного кризиса в сфере контроля над вооружениями. О необходимости подключения других ядерных держав к этому процессу заявил президент России В.В. Путин в феврале 2012 г. На встрече в Сарове он подчеркнул, что в сфере ядерного разоружения «дальнейшие шаги должны носить уже комплексный характер, и в ходе этого процесса должны принимать участие уже все ядерные державы...»¹. Впоследствии эта идея прозвучала и в ряде других выступлений. Следует отметить, что до сих пор не было предложено реальных шагов по практическому воплощению данной идеи. Основное внимание экспертного сообщества, как и ранее, сконцентрировано вокруг дальнейшего снижения уровня ядерного противостояния между Россией и США. Цель настоящей работы – рассмотреть один из возможных вариантов продолжения процесса ядерного разоружения с участием государств – членов «Большой пятерки». В работе представлено видение возможных действий Российской Федерации по вовлечению в процесс ядерного разоружения третьих стран на следующих его этапах.

Многие эксперты считают, что новый Договор по стратегическим наступательным вооружениям (СНВ) 2010 г. может стать последним соглашением, построенным по традиционной схеме, которую СССР/Россия и США отработывали в течение десятилетий, как в ходе, так и после завершения «холодной войны». Набрав высокие темпы в конце 1980-х – начале 1990-х годов, процесс ядерного разоружения начал «пробуксовывать» в конце XX столетия, а к завершению первого десятилетия XXI века, видимо, зашел в тупик. Об этом наряду с прочим свидетельствует некоторое «лукавство» составителей последнего договора, в котором вся боевая загрузка каждого тяжелого бомбардировщика, включая ядерные крылатые ракеты большой дальности, засчитывается за один боезаряд. Только

¹ Владимир Путин провел в Сарове «круглый стол» по вопросам национальной безопасности. – URL: <http://www.1tv.ru/news/polit/199931>.

таким способом России и США удалось показать, что они продолжают процесс ядерного разоружения и двигаются по пути неуклонного снижения количества накопленных боезарядов. Тем не менее по многим признакам можно сделать вывод, что и Россия, и США практически достигли того количественного предела своих стратегических ядерных арсеналов, который они считают минимально необходимым для обеспечения надежной безопасности.

В настоящей работе не ставилась задача проанализировать текущее состояние и планы развития СНВ России и США, поскольку такой анализ присутствует в целом ряде работ российских и западных специалистов. В данном случае нас интересует вопрос о причинах, по которым стороны оказались в нынешней почти безвыходной (с точки зрения перспектив новых соглашений) ситуации. Для ответа на этот вопрос следует обратить особое внимание на базовые принципы стратегических отношений между двумя странами, которые лежат в основе практически всех договоренностей в сфере контроля над вооружениями.

То, что эти принципы не соответствуют нынешнему характеру международных отношений и, более конкретно, стратегическим отношениям между Россией и США, ни для кого не секрет. Еще в апреле 2008 г. в Сочи стороны приняли Декларацию о стратегических рамках российско-американских отношений, в которой были провозглашены основополагающие принципы дружбы, сотрудничества, открытости и предсказуемости. В декларации содержалось важнейшее заявление о том, что Россия и США отвергают мышление по принципу «игры с нулевой суммой» времен «холодной войны» и что две страны «должны перешагнуть барьеры стратегических принципов прошлого, сфокусированных вокруг перспектив взаимного уничтожения, и сосредоточиться на реальных угрозах, которым наши страны противодействуют»². В документе не говорилось о том, что стороны имеют в виду под «стратегическими принципами прошлого». Но под это определение полностью попадает принцип стратегической стабильности, который как раз и «сфокусирован вокруг перспектив взаимного уничтожения». Именно следование этому принципу и привело стороны в тот тупик в сфере контроля над ядерными вооружениями, в котором они сейчас находятся.

Инерция стратегического мышления времен «холодной войны» удерживает стороны в русле чисто военно-технического

---

² Декларация о стратегических рамках российско-американских отношений (6 апреля 2008 г.) URL: <http://archive.kremlin.ru/text/docs/2008/04/163171.shtml>.

подхода к безопасности. Эта проблема сводится исключительно к собственной возможности уничтожить любого противника ответным ударом при самых неблагоприятных условиях. Под этими условиями понимается неожиданный массированный удар противоположной стороны по стратегическим наступательным вооружениям и системе управления ими. Результаты такого удара, как и собственные возможности ответа уцелевшими силами, рассчитываются на компьютерных моделях. Результаты этих расчетов и лежат в основе подхода сторон как к программам модернизации своих наступательных и оборонительных сил, так и к переговорам по контролю над вооружениями.

Разумеется, здесь, как и у любого другого правила, существуют исключения. Например, стремление поддержать количественное равенство сил с партнером по переговорам (что можно отнести к чисто политическим факторам), а также соображения экономического характера иногда могут «перевешивать» аргументы в пользу укрепления стратегической стабильности. Но в целом военно-технический подход к безопасности в большинстве случаев преобладает при принятии соответствующих решений политическим руководством страны.

То, что следование концепции «стратегической стабильности» рано или поздно должно было привести Россию и США в тупик на пути ядерного разоружения, большого сомнения никогда не вызывало. Если стороны упорно продолжают ставить свою безопасность в зависимость от способности уничтожить друг друга (нанести «неприемлемый» или «заданный» ущерб), это может означать только одно: необходимость сохранения «минимального» арсенала ядерных средств, способных выполнить указанную задачу. Однако этот «необходимый минимум» может разрастаться до гигантских размеров, поскольку в соответствующих расчетах главное место занимают «выжившие» после «первого удара» стратегические системы оружия. Сегодня многие эксперты говорят о том, что в новом Договоре по СНВ этот «необходимый минимум» вооружений уже достигнут.

Не вдаваясь в подробности, отметим, что сторонники концепции «стратегической стабильности» предполагают, что весьма значительная часть СНВ сторон нацелена друг против друга. Этот факт весьма важен для нашего дальнейшего анализа.

Дело не ограничивается только количеством и качеством СНВ. Для того чтобы иметь полную уверенность в нанесении «неприемлемого ущерба», «стратегическая стабильность» тре-

бует учета и сил стратегической обороны. Ведь ПРО способна перехватить какую-то часть наступательных вооружений. И чем эффективнее будет первый удар, тем меньше средств может быть задействовано для ответа. При достаточно сильной обороне, как следует из данной концепции, ослабленный ответный удар может быть полностью нейтрализован средствами ПРО.

Но и это еще не все. Пытаясь представить себе «наихудший сценарий», сторонники концепции «стратегической стабильности» требуют учитывать в балансе сил не только стратегические наступательные и оборонительные вооружения, но и «высокоточное оружие» (видимо, неядерные крылатые ракеты большой дальности), «стратегические наступательные вооружения в неядерном оснащении», «космические вооружения» и многое другое. Считается, что все эти средства (реальные или выдуманные) могут быть задействованы либо для нанесения «обезоруживающего» удара по России, либо для перехвата ослабленного неожиданным нападением ответного удара российской стороны.

Таким образом, по мере сокращения СНВ России и США ситуация со стратегической стабильностью все более обостряется. Данная концепция, не давая объяснения тому, какие мотивы могут «подвигнуть» какую-либо из сторон на нанесение массированного удара по оппоненту, диктует необходимость не только прекращения процесса ядерного разоружения, но, возможно, и перевода гонки вооружений в новые сферы. Более того, военно-технический подход к безопасности ведет к росту подозрительности в отношении действий противоположной стороны в военной области, рассматривая их в первую очередь с точки зрения повышения потенциала для нанесения «безнаказанного» первого удара. Все это не может не влиять на общий климат политических отношений двух ядерных сверхдержав и, как следствие, всего мира. Будучи порождением «холодной войны», концепция «стратегической стабильности» стремится вернуть мир в «комфортное» для себя состояние конфронтации. Таким образом, данная концепция практически «выработала» свой положительный ресурс, превратившись из стимула к сокращению ядерных вооружений в серьезный тормоз на пути дальнейшего прогресса в данной области. В этих условиях, как представляется, проблема отказа от подобного подхода к стратегическим отношениям между Россией и США и замены концепции «стратегической стабильности» более адекватной основой для продолжения российско-американского диалога становится все острее.

Проблемы многосторонних переговоров по ядерному разоружению

Если говорить о возможности участия третьих ядерных держав в переговорах по контролю над ядерными вооружениями уже на следующих этапах, то необходимо предложить общую основу для этих переговоров, которая отвечала бы интересам каждого из участников. Исходя из опыта переговоров СССР/России с США, такой основой на разных этапах служили предсказуемость развития стратегических потенциалов сторон, установление равенства этих потенциалов, укрепление стратегической стабильности, сокращение накопленных ядерных арсеналов. В целом речь практически всегда шла об укреплении безопасности путем наложения различного рода количественных и качественных ограничений как на наступательные, так и на оборонительные стратегические потенциалы двух стран.

Очевидно, что при многостороннем подходе к переговорам по контролю над ядерными вооружениями не все из вышеназванных принципов могут рассматриваться в качестве такой основы. Так, установление равенства стратегических арсеналов всех пяти участников этого процесса на первых его этапах является, на наш взгляд, абсолютно неприемлемым, по крайней мере для двух важнейших «игроков» – России и США. Соответственно, какие-либо сокращения СНВ третьих стран также будут неприемлемыми для них в условиях подавляющего количественного превосходства в этих вооружениях у двух ведущих в этой сфере государств. Существующая несоизмеримость ядерных арсеналов Великобритании, Франции и Китая с арсеналами США и России как раз и является одним из главных оснований их отказа подключиться к процессу ядерного разоружения. Этот аргумент должен «работать» по крайней мере до тех пор, пока не установится примерное равенство по данному показателю у всех членов «Большой ядерной пятерки», т.е. пока США и Россия не сократят накопленные запасы ядерного оружия до уровня этих стран.

Что касается вопросов, связанных с задачей укрепления стратегической стабильности, то при многосторонних переговорах применить данный принцип представляется невозможным не только с политической, но и с военно-технической точки зрения. В политическом плане вряд ли можно ожидать, что Великобритания, Франция и особенно Китай примут правила «игры», выработанные США и Россией (СССР) за десятилетия переговоров. В этой «игре» стороны попеременно выступают в качестве возможного агрессора (наносит первый удар) и жер-

твы (ответный удар). По результатам соответствующих расчетов, как уже отмечалось, и делается вывод о состоянии «стратегической стабильности» в отношениях между ними. Россия и США уже как бы «привыкли» к таким правилам «игры». Но трудно себе представить, чтобы третьи ядерные державы даже условно согласились бы выступать в роли возможного агрессора или жертвы такой виртуальной агрессии. Во всяком случае, китайские представители не устают повторять, что они вообще не допускают возможности нанесения какой-либо страной массированного ядерного удара по Китаю.

Вторым немаловажным моментом, требующим однозначной трактовки при соответствующих расчетах результатов возможных «ядерных ударов», является ответ на вопрос: кто против кого? Представляется, что договориться по этому вопросу практически невозможно. Даже Франция, будучи полноправным членом НАТО, вряд ли согласится с отказом от своей официально провозглашенной независимой ядерной политики, пусть даже и в целях проведения виртуальных расчетов «стратегической стабильности». Если чисто условно считать, что на одном полюсе будут находиться ядерные члены НАТО, то как быть с Россией и Китаем? В этой стратегической игре они будут выступать вместе или каждый за себя? Или правильно с точки зрения стратегической стабильности считать наихудший вариант: «все против России» или «все против Китая»? Иначе как абсурдом такие попытки определения стратегической стабильности в качестве основы для переговоров считать нельзя.

Что касается наименее «провокационной» из приведенного выше списка идеи о повышении предсказуемости, то и с ее реализацией могут возникнуть серьезные проблемы. Прежде всего отметим, что в данном варианте речь может идти исключительно о мерах доверия и предсказуемости, а не о сокращениях ядерных вооружений. Более конкретно – о предоставлении исчерпывающей информации о количественном и качественном составе стратегических ядерных сил, а также о планах их развития на ближайшую перспективу. При этом, видимо, будет поставлен вопрос о наложении на каждую сторону обязательств не наращивать эти силы свыше каких-то пределов, т.е. об установлении конкретных лимитов, причем разных для каждой из сторон, кроме России и США. Представляется маловероятным не только достижение согласия всех пяти ядерных государств по названным пунктам, но и вступление в консультации и переговоры на таких условиях.

Таким образом, можно сделать следующий вывод: традиционные подходы к контролю над ядерными вооружениями, кото-

рые способствовали достижению успеха в двусторонних переговорах, вряд ли могут быть применены для многостороннего решения проблемы. Требуются поиск и обоснование новых решений и новой основы, на которой можно было бы выстроить систему укрепления международной безопасности с участием основных ядерных держав мира.

Многостороннее ядерное разоружение через снижение потенциала первого удара

Любые переговоры в области контроля над ядерными вооружениями можно назвать успешными, если в результате достижения соответствующих соглашений безопасность участников повышается. С точки зрения международных соглашений в данной области под повышением безопасности следует понимать не столько политическую, сколько военно-техническую сторону вопроса. Иными словами, снижение угрозы следует рассматривать как уменьшение возможностей каждой из сторон по нанесению неожиданного первого удара и, соответственно, уменьшение стимулов для нанесения такого удара. В этом положении автор готов согласиться с центральной идеей сторонников укрепления стратегической стабильности, но за некоторыми существенными исключениями.

Так, подход, основанный на концепции «стратегической стабильности», главное внимание уделяет сохранению и укреплению потенциала ответного удара. Речь идет о том, чтобы сделать собственные силы «живучими» и «малопривлекательными» для гипотетического первого «обезоруживающего» удара. При этом если значительная часть этих сил все же не отвечает критерию «выживаемости» (например, стационарные МБР, развернутые в шахтных пусковых установках) и может представлять собой «привлекательные» цели (если эти МБР являются многозарядными), то выход из такой ситуации видится в их высокой боеготовности. Иными словами, эти системы предположительно могут быть запущены до того, как ядерные боеголовки вероятного противника достигнут своих целей, т.е. по оповещению о ракетной атаке. Концепция «пуска по оповещению» считается весьма опасной в силу ограниченности времени на принятие соответствующего решения и, как следствие, возможного рокового просчета при отдаче приказа о нанесении такого удара. Эта проблема рассмотрена во многих российских и зарубежных исследованиях, и нет особой необходимости останавливаться на ней более подробно. Здесь лишь отметим, что некоторые из экспертов предлагают отказаться

от этой концепции путем снижения уровня боеготовности МБР на взаимной основе с США.

В своем подходе к решению проблемы безопасности мы предлагаем сконцентрировать основное внимание на средствах нанесения первого удара, главными из которых (для России и США) являются межконтинентальные баллистические ракеты (МБР). Разумеется, можно оспаривать положение о том, что эти системы служат именно средством для нанесения первого «обезоруживающего» удара. Но вряд ли подлежит сомнению тот факт, что именно МБР для этого лучше всего приспособлены. В отличие от баллистических ракет подводных лодок удар с помощью МБР гораздо легче скоординировать. Точность попадания их в цель достаточно высока, чтобы поражать высокозащищенные объекты, такие как шахтные пусковые установки. Сами они, вне всякого сомнения, являются объектами для первоочередной атаки вероятного противника. Многозарядные системы (МБР с разделяющейся головной частью) – это еще и «привлекательные» для уничтожения цели. Поэтому с точки зрения обеспечения безопасности эти системы оружия, особенно многозарядные МБР с разделяющейся головной частью шахтного базирования, не могут однозначно считаться «стабилизирующими» даже по всем канонам концепции «стратегической стабильности».

Как уже отмечалось, СНВ России и США в основном нацелены друг на друга. И в первую очередь это относится к МБР. В связи с этим, на наш взгляд, можно задаться следующим вопросом: укрепится ли безопасность сторон, если эти системы оружия будут полностью ликвидированы? Здесь необходимо подчеркнуть, что автор не ставит вопрос о ликвидации только российских и американских МБР. Речь идет о выработке многостороннего соглашения с участием всех ядерных держав, устанавливающего полный запрет на наземные баллистические ракеты дальностью свыше 500 км. Такая идея, как представляется, полностью соответствует российскому предложению о придании Договору о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД) универсального международного характера. И она как минимум не противоречит интересам безопасности всех ядерных держав, включая Китай, даже если оценивать уровень безопасности по критериям «стратегической стабильности».

В качестве основы нового подхода к проблеме многостороннего ядерного разоружения мы предлагаем принцип «реальной безопасности», который не ставил бы безопасность государств в зависимость от их возможности уничтожить друг

друга, а обеспечивал взаимную безопасность сторон в прямом смысле этого слова. Это может быть достигнуто путем последовательной ликвидации стратегических (и других) ядерных вооружений, нацеленных друг против друга. В противоположность существующему подходу в сфере контроля над ядерными вооружениями, основанному на поэтапном сокращении количества ядерных боеголовок, предлагается идея «качественного» разоружения, а именно первостепенной ликвидации наиболее опасных носителей этого оружия. Это, несомненно, должно укрепить как безопасность, так и доверие сторон. Такой опыт у России и США уже имеется. В 1987 г. стороны заключили бессрочный Договор о РСМД, предусматривавший полную ликвидацию баллистических ракет средней и меньшей дальности. Общеизвестно, что данное соглашение послужило значительному укреплению европейской безопасности, росту доверия между странами, несмотря на то что СССР пришлось ликвидировать гораздо большее число своих ядерных систем оружия, чем Соединенным Штатам. На наш взгляд, этот опыт вполне можно распространить в глобальном плане.

Трудности на пути осуществления и возможные преимущества нового подхода

Предлагаемый в настоящей работе подход к многосторонним переговорам в сфере ядерного разоружения может столкнуться с серьезными трудностями. Основной проблемой может стать преодоление сложившихся за прошедшие десятилетия стереотипов мышления, касающихся роли и места ядерного оружия в обеспечении безопасности страны. Наряду с этим отказ от МБР (которые, как считается, всегда составляли основу стратегической мощи России) может вызвать неприятие у значительной части экспертного сообщества и представителей военно-политического руководства. В целом в России достаточно широко распространена убежденность в том, что дальнейшее сокращение ядерных вооружений отрицательно повлияет на безопасность страны. На это накладываются общее недоверие в отношении планов и намерений США в сфере военного строительства, определенное разочарование в эффективности контроля над вооружениями и уверенность в том, что проблему безопасности на данном этапе можно решить исключительно военно-техническими мерами. Представляется, что не последнюю роль во всем этом играет и оборонно-промышленный комплекс России, усиленно продвигающий крупные программы в области СНВ.

Совершенно очевидно, что следование названным стереотипам мышления вряд ли может укрепить реальную безопасность. Даже во времена острой конфронтации с Западом советские руководители имели возможность убедиться в том, что переговорный путь может решить эту проблему гораздо эффективнее. И если нахождение третьих ядерных держав вне правового поля контроля над вооружениями действительно вызывает озабоченность у России (о чем российское руководство неоднократно заявляло), то этот вопрос необходимо решать именно политическим путем.

Разумеется, в случае принятия предлагаемого в настоящей работе нового подхода к решению проблемы безопасности нужно будет решить целый ряд важных вопросов внешнего и внутреннего характера. Прежде всего убедить Соединенные Штаты в том, что эпоха двусторонних переговоров по ядерному разоружению подходит (или уже подошла) к концу и следует переключить свое внимание на более широкий подход к данной проблеме. Россия и США продолжают процесс сокращения своих ядерных арсеналов, но уже в рамках многосторонних соглашений. Участники этих соглашений также примут на себя определенные обязательства как по количественному ненаращиванию ядерного оружия, так и по серьезным качественным ограничениям. Одним из таких ограничений на первых этапах станет полный запрет на наземные баллистические ракеты дальностью свыше 500 км.

Можно ожидать и значительных трудностей с подключением третьих ядерных держав к переговорам по контролю над вооружениями. Но, по нашему мнению, эта проблема может полностью проясниться не ранее, чем Россия и США совместно сформулируют соответствующее предложение в их адрес. Выдвигать тезис о том, что эти страны откажутся от участия в новом формате переговоров, в качестве возражения новому подходу представляется контрпродуктивным. Все зависит от того, как этот подход будет обоснован и какие преимущества он может дать всем потенциальным участникам. При этом особо отметим, что третьим странам придется тщательно взвесить не только свои соображения против участия в многосторонних переговорах, но и последствия своего возможного отказа. Не исключено, что в случае серьезного обсуждения вопросов о новом многостороннем соглашении необходимо будет выработать и общую позицию в отношении других государств, которые имеют на вооружении и разрабатывают баллистические ракеты большой дальности. Это касается прежде всего государств-обладателей ядерного оружия. На это, естественно,

потребуется дополнительное время и серьезные усилия всех стран «Большой пятерки».

Можно привести большой перечень проблем внутреннего характера, которые нужно будет обсудить и решить в случае принятия идеи ликвидации на многосторонней основе всех баллистических ракет наземного базирования большой дальности. Это и преодоление сопротивления части «военно-промышленного лобби», и внесение серьезных изменений в структуру вооруженных сил и доктринальные документы, и серьезные структурные преобразования в оборонно-промышленном комплексе, и многое другое. Все это, на взгляд автора, должно стать предметом отдельного рассмотрения и дискуссий.

При принятии любого политического решения учитываются не только сложности его осуществления, но и возможные выгоды от его реализации. Совершенно очевидно, что идеальных решений не бывает и всегда находятся скептики и противники новых подходов. Но, по нашему мнению, если положительный эффект от решения значительно перевешивает его отрицательные последствия, такое решение может быть принято. В связи с этим попытаемся оценить, насколько предложенная идея может соответствовать российским интересам.

Прежде всего, на наш взгляд, ликвидация наземного сегмента стратегических сил приведет к реальному укреплению безопасности страны, поскольку будет значительно снижена угроза нанесения первого «обезоруживающего» удара. Сама Россия также лишается этой возможности, но именно такого эффекта и предполагается достигнуть, полностью нейтрализовав иллюзию возможности «победы» в ядерной войне.

Предложенный подход открывает путь к практическому осуществлению ряда российских инициатив, пока не получивших поддержки на международной арене, таких как придание Договору по РСМД универсального международного характера, а также участие третьих ядерных держав в переговорах по разоружению уже на следующих этапах этого процесса. В случае реализации данного подхода повышается уровень предсказуемости и открытости планов военного строительства третьих стран, прежде всего Китая, программы которого в сфере наращивания ядерных сил вызывают все большую озабоченность.

Занятие активной внешнеполитической позиции по одной из наиболее актуальных международных проблем, несомненно, будет способствовать повышению авторитета и престижа России в мире, улучшит международный климат в целом и даст новый стимул процессу ядерного разоружения.

Возможные этапы реализации

Совершенно очевидно, что реализация предложенной в настоящей работе идеи может потребовать значительного времени. Здесь она сформулирована лишь в общих чертах. Что касается детальной проработки, то специального исследования потребуют вопросы, связанные со всем спектром проблем, влияющих на безопасность. В частности, особое внимание нужно будет уделить морской составляющей стратегических сил всех пяти ядерных держав. Не исключено, что и здесь потребуются ввести определенные ограничения или «правила поведения». Следует продолжить диалог или многосторонние консультации по вопросам о будущем систем ПРО, о тактическом ядерном оружии и других составляющих национальной и международной безопасности. В случае достижения взаимопонимания в отношении наземных баллистических ракет большой дальности все эти вопросы могут быть решены гораздо конструктивнее, нежели при отсутствии реальных перспектив продолжения процесса ядерного разоружения.

По нашему мнению, диалог по рассматриваемой проблеме должен начаться между Россией и США сначала на экспертном уровне, а затем и с участием официальных представителей двух стран. В случае достижения взаимопонимания этот форум может быть расширен за счет представителей всех пяти ядерных держав. В ходе таких контактов можно будет выработать обоснованные рекомендации для правительств. В этих рекомендациях должны быть максимально учтены все аспекты проблемы с тем, чтобы в конечном итоге руководители государств «Большой пятерки» могли принять верное решение и вместе двинуться по пути ядерного разоружения.

Интервью с Владимиром Зиновьевичем Дворкиным,
генерал-майором в отставке, доктором технических наук,
профессором, главным научным сотрудником ИМЭМО РАН

О СТРАТЕГИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ И МНОГОСТОРОННИХ ПЕРЕГОВОРАХ ПО ЯДЕРНОМУ РАЗОРУЖЕНИЮ

А. Савельев: Сегодня, по мнению многих экспертов, в сфере ядерного разоружения наступил период стагнации. Можно сказать и более резко: тупик. Во всяком случае, пока не ясно, как и в каком формате мы можем двигаться дальше. У меня есть свое объяснение, почему мы оказались в этом тупике. Я считаю важным определить причину стагнации для того, чтобы выйти из этой ситуации и двигаться дальше. По моему мнению, мы пришли в этот тупик потому, что после окончания «холодной войны» продолжали руководствоваться принципом стратегической стабильности в наших стратегических отношениях, прежде всего с США. А это означает, что мы, как и раньше, ставим свою безопасность в зависимость от нашей способности уничтожить любого оппонента в ответном ударе при самых худших условиях. Это диктует необходимость поддержания достаточно мощных стратегических сил и резко ограничивает возможности по их сокращению. Вы готовы согласиться с таким выводом?

В. Дворкин: Я с этим согласен, но я бы развил эту тему. Я считаю, что стратегическая стабильность в традиционном понимании в настоящее время устарела как подход к проблеме безопасности. Да и вообще, понятие «стратегическое» у нас довольно-таки «затаскано». Поэтому, во-первых, следует изменить терминологию и говорить о глобальной, трансрегиональной и региональной стабильности. Но дело не только в смене терминологии. Необходимо ранжировать дестабилизирующие факторы. По отношению к глобальной стабильности это ядерный терроризм и распространение ядерного и ракетного вооружения. Эта угроза вполне реальна. И если в результате «обычных» террористических актов уже произошло резкое ограничение прав и свобод граждан, то только можно себе представить, как ядерный террористический акт способен повлиять на всю систему мировой политики – как внутренней, так и внешней. К числу дестабилизирующих факторов можно отнести и возможную милитаризацию космоса. Несмотря на то что сегодня космос активно используется в военных целях, пока

нет серьезных признаков того, что туда может быть выведено оружие. Сейчас прилагаются усилия для того, чтобы не допустить вывода оружия в космическое пространство. А именно средств для поражения объектов в космосе, на земле, в воздухе и на море. Кроме того, это относится и к развертыванию оружия на земле, в воздухе и на море, способного поражать космические объекты. Сейчас США, Россия, Китай обладают некоторыми ограниченными возможностями в этой сфере. И существует серьезный шанс для того, чтобы договориться по этим вопросам, пока еще не поздно. Еще одной угрозой являются различные этно- и религиозные конфликты.

А. Савельев: Правильно ли я Вас понял, что, если стратегическая стабильность в ее традиционном понимании будет подорвана, это не будет иметь столь серьезных последствий, как нарушение стабильности вследствие действия названных Вами факторов?

В. Дворкин: Я бы не стал говорить о каком-то подрыве стратегической стабильности в традиционном понимании, его не может быть при действии традиционных дестабилизирующих факторов типа ПРО и других. А вот новые факторы, которые я назвал, способны разрушить глобальную и региональную стабильность.

А. Савельев: Но вернемся к вопросу о принципах стратегических отношений. Существует российско-американское заявление по этому поводу. Так, в Декларации о стратегических рамках российско-американских отношений, принятой в Сочи 6 апреля 2008 года по итогам российско-американских переговоров, были провозглашены основополагающие принципы дружбы, сотрудничества, открытости и предсказуемости. В ней содержалось заявление, что Россия и США «отвергают мышление по принципу “игры с нулевой суммой” времен “холодной войны”» и что две страны «должны перешагнуть барьеры стратегических принципов прошлого, сфокусированных вокруг перспектив взаимного уничтожения, и сосредоточиться на реальных угрозах, которым наши страны противодействуют». По моему мнению, стратегическая стабильность и есть один из важнейших принципов времен «холодной войны», который не может оставаться в качестве основы, определяющей российско-американские стратегические отношения. Тем не менее Россия продолжает настаивать на необходимости ее укрепления, в том числе и путем наращивания своих стратегических сил.

В. Дворкин: Стратегическая стабильность в традиционном представлении действительно продолжает консервировать

ядерное противостояние. Поэтому главный упор я бы делал на необходимости трансформации взаимного ядерного сдерживания России и США. Конечно, пока ядерное оружие будет существовать, ядерное сдерживание останется. Но сама политика ядерного сдерживания не должна лежать в основе стратегических отношений крупных демократических государств.

А. Савельев: Я совершенно согласен. Но, на мой взгляд, мало только отказаться от этого принципа. Нужно предложить что-то взамен.

В. Дворкин: Я и предлагаю по-новому рассматривать стабильность на названные три уровня с перечнем дестабилизирующих факторов для каждого из уровней.

А. Савельев: Может быть, параллельно с Вашим предложением рассмотреть еще один вариант – снижение реальной угрозы для каждой из сторон в ее военно-техническом измерении? В качестве такого подхода можно было бы предложить поэтапную ликвидацию средств, нацеленных друг против друга. И начать с межконтинентальных баллистических ракет. Ведь именно эти средства прежде всего так и нацелены.

В. Дворкин: Это движение в сторону безъядерного мира?

А. Савельев: Это может стать одним из первых шагов.

В. Дворкин: Недавно была выдвинута инициатива Картрайта, которая повторяется в предложениях Обамы и которая предполагает в одностороннем порядке (если Россия откажется) ликвидировать все МБР США, а также тактическое ЯО – все сократить до 900 БГ, т.е. оставить только ПЛАРБ и авиацию. Но дело не в МБР. Ведь БРПЛ тоже нацелены друг на друга.

А. Савельев: Я хотел бы пояснить свою идею. Как мне представляется, такой подход открывает возможность вести переговоры на многосторонней основе. При этом во главу угла ставится не количественный, а качественный подход. Если будет поставлен вопрос ликвидации на первом этапе МБР России и США, то Великобритания и Франция, не имея этих систем на вооружении и не собираясь их иметь, в этом плане должны стать нашими союзниками. Остается Китай. Эта страна не любит находиться в изоляции по важным проблемам международной безопасности, что может подвигнуть ее на участие в подобных переговорах. Все это, на мой взгляд, позволяет надеяться на воплощение в жизнь российской идеи о придании Договору по РСМД универсального международного характера. Разумеется, это уже не будет договор по РСМД как таковой. Речь идет о новом договоре, запрещающем создание, испытания и развертывание любых баллистических ракет наземного базирования дальностью свыше 500 км.

В. Дворкин: Чем отличаются МБР от БРПЛ?

А. Савельев: Я считаю, что эти системы (МБР) более опасны. Решение об их применении выполняется крайне быстро и является необратимым.

В. Дворкин: Но наши ПЛАРБ, которые находятся на базах, тоже несут боевое дежурство. И приказ о пуске ракет тоже может быть передан и исполнен немедленно. Те ПЛАРБ, которые находятся в море, также могут получить приказ об ударе. И такой приказ, как в случае с МБР, также является необратимым. Поэтому здесь речь нужно вести о другом. Это идея об отказе от концепции ответно-встречного удара, т.е. пуска ракет по предупреждению об атаке. Этим вопросом мы занимались очень долго – начиная с середины 1990-х годов. Речь идет о понижении уровня боеготовности стратегических сил. Все это можно контролировать. Речь не идет о том, чтобы понизить боеготовность всех МБР и БРПЛ – это дело далекого будущего. Но на первых этапах можно было бы понижать готовность какой-то части этих сил – 20, 30, 50%.

А. Савельев: Я думаю, что в качестве промежуточного решения можно двигаться в этом направлении. Но почему бы не подумать и о ликвидации этих систем?

В. Дворкин: Американцы склоняются к такому решению. И они, видимо, готовы провести сокращения в одностороннем порядке, даже если Россия не захочет идти по такому пути. Но мы этого делать не будем до тех пор, пока не будет решена проблема ПРО.

А. Савельев: По вопросу о ПРО существуют различные мнения. Но в данном случае меня волнует не столько политическая реакция на подобное предложение, сколько обоснованность идеи с точки зрения укрепления безопасности. При этом не в двустороннем, а в многостороннем плане.

В. Дворкин: На мой взгляд, без того, чтобы радикально трансформировать модель ядерного сдерживания, никакого положительного результата добиться невозможно. Эти теоретические рассуждения не имеют никакого отношения к реальной политике. Если теоретически ликвидировать все МБР, но оставить БРПЛ, вся существующая модель сохраняется.

А. Савельев: Но это только первый этап. Следующим может стать вопрос о ликвидации и БРПЛ.

В. Дворкин: А авиация?

А. Савельев: И до нее дойдет дело, но на более поздних этапах.

В. Дворкин: Так речь идет о «глобальном нуле»?

А. Савельев: Речь идет о практическом воплощении нашей политики ядерного разоружения и придании Договору по

РСМД глобального характера. Я понимаю, что, возможно, на это потребуются значительное время и усилия.

В. Дворкин: Привлечь другие страны можно было бы, если Россия и США, сохраняя даже по 1000 боезарядов, держали бы половину из них в пониженной боеготовности. Это было бы уже ближе к арсеналам Великобритании, Франции и Китая. Тогда бы можно было начинать диалог с этими странами, в первую очередь с англичанами и французами.

А. Савельев: Но это можно сделать и сейчас, предложив им подписать некую декларацию о намерениях. При этом, на мой взгляд, от этих двух стран достаточно получить обязательство не разрабатывать, не испытывать и не развертывать баллистические ракеты наземного базирования дальностью свыше 500 км в обмен на обязательства России, США и Китая ликвидировать все эти системы в оговоренные сроки.

В. Дворкин: Я думаю, что вне зависимости от типа вооружений можно было бы понизить боеготовность существующих ядерных арсеналов. Например, оставить только по 300 боеготовых боезарядов, что сопоставимо с арсеналами третьих ядерных держав. Это могло бы быть началом. Но в первую очередь этим странам необходимо предложить обменяться данными о состоянии ядерных сил. При этом со стороны третьих стран можно попросить принять хотя бы часть уведомительных мер, а также обязательства не наращивать свои ядерные арсеналы. Существует целый перечень таких мер, которые можно было бы предложить. Это было бы началом диалога. Но для Китая этого будет недостаточно. Ему нужно предложить что-то более существенное. Например, если Китай дает согласие на названные меры, то США не станут усиливать свою ПРО в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

А. Савельев: Я пока не веду речь о том, какую реакцию можно ожидать на такое предложение. Но были и более фантастические идеи, тем не менее воплощенные в жизнь. Например, полная ликвидация и запрет на ракеты средней и меньшей дальности СССР и США. Ведь до определенного времени никто не верил, что «нулевой вариант» будет реализован.

В. Дворкин: Для того чтобы этот вариант прошел, нужно было очень сильно напугать руководство СССР. Когда в Европе появились «Першинги», достигающие Москвы за 8–10 минут, с высокоточными заглубляющимися боезарядами, руководство страны дрогнуло. И пошло на неравноценный договор, чтобы убрать эту угрозу.

А. Савельев: Тем не менее это создало определенный прецедент, который позволяет, на мой взгляд, говорить о том, что

полная ликвидация какой-то категории стратегических вооружений, причем весьма опасной с точки зрения возможности нанесения противосилового удара, все же возможна.

В. Дворкин: Когда сокращения достигают примерно 1000 боезарядов, противосиловой удар теряет смысл. Такой удар может быть использован только в ходе уже начавшегося военного конфликта. Например, если противник начал уничтожать стратегические силы оппонента при помощи высокоточного оружия. Тогда МБР могут быть применены в противосиловом ударе. И я предлагаю принять идею контролируемого отказа от пуска по оповещению. И это может быть проверено через систему понижения уровня боеготовности.

А. Савельев: Но все же даже если Ваша идея будет принята, это означает, что мы будем продолжать придерживаться старой концепции безопасности на основе взаимного уничтожения. То есть мы так и останемся в этом порочном круге.

В. Дворкин: Да, это все остается, но упор на это должен постепенно снижаться. Американцы уже давно говорят, что концепция ответно-встречного удара для них является чистой теорией. Их безопасность обеспечивается в основном ПЛАРБ, находящимися на боевом патрулировании в море.

А. Савельев: На мой взгляд, мы должны переводить диалог о ядерном разоружении в многостороннюю плоскость, что также соответствует нашей официальной политике. Моя идея в основном сконцентрирована на поиске путей привлечения третьих стран, прежде всего Китая, к переговорам по ядерному разоружению.

В. Дворкин: Не думаю, что Китай так быстро согласится. Китайцы по-другому видят время и мыслят не годами, а столетиями. У них существует некоторая обеспокоенность, в частности по поводу ПРО. Но в целом их просто так не уговорить.

А. Савельев: Российские и американские МБР способны «свести к нулю» китайский потенциал ответного удара. Поэтому ликвидация этих систем Китаю будет выгодна. Тем более что, согласно заявлениям, Китай ориентирован исключительно на ответные действия в области применения ядерного оружия. И если эффективность первого удара падает, то возрастает потенциал ответного удара, в связи с чем роль ПРО ослабевает. В целом я исхожу из двух вещей. Первое: сразу все проблемы решить нельзя. Нельзя также требовать слишком многого от партнеров. Второе: в любой стратегии следует определить точку приложения главных усилий, ключевое звено. Мне представляется, что в плане обеспечения надежной безопасности решение вопроса с МБР таким звеном и является. С этого мож-

но начать весь процесс. Во всяком случае, этот вопрос необходимо тщательно исследовать.

В. Дворкин: Нужно иметь в виду, что предложение ликвидировать МБР вызовет крайне негативную реакцию в России.

А. Савельев: Я считаю, что если ты желаешь достичь на переговорах какого-либо успеха, необходимо иметь что-то «за душой», а также быть готовым идти на компромиссы. Ведь в принципе речь идет не о ракетах, а о повышении безопасности. И если ликвидация этих ракет безопасность повышает, почему бы не использовать такой шанс. Я также считаю, что принцип стратегической стабильности для многосторонних переговоров не может быть применен. Поэтому предлагаю другой: поэтапную ликвидацию ядерных систем оружия, нацеленных друг против друга.

В. Дворкин: Стратегическая стабильность, как мы уже говорили, основана на взаимном ядерном сдерживании. Уход от этого принципа и отмену ядерного сдерживания можно было бы начинать поэтапно, но не с ликвидации МБР, а с принятия уже подготовленного проекта исполнительного соглашения по отказу от ответно-встречного удара.

А. Савельев: Я так понимаю, Вы пока не готовы поддержать идею полной ликвидации МБР?

В. Дворкин: Нет, не готов.

*Беседовал Александр Георгиевич Савельев,
заведующий отделом стратегических исследований
ИМЭМО РАН, докт. полит. наук.*

Интервью с Николаем Николаевичем Детиновым,
*генерал-лейтенантом в отставке, бывшим высокопоставленным
сотрудником ЦК КПСС и Военно-промышленной комиссии
при Совете Министров СССР, членом делегаций СССР
на переговорах с США по РСМД и СНВ-1, непосредственным
разработчиком советской позиции для переговоров по ОСВ,
ПРО, ОССВ, РСМД и СНВ в 1969–1991 гг.*

О ПЕРСПЕКТИВАХ КОНТРОЛЯ НАД ЯДЕРНЫМИ ВООРУЖЕНИЯМИ

А. Савельев: Николай Николаевич, ни для кого не секрет, что наши отношения с США сегодня переживают не самое лучшее время. Во всяком случае, в сфере контроля над ядерными вооружениями. США считают, что в параметры будущих договоренностей необходимо включить и тактическое ядерное оружие. В России это воспринимается как попытка ее разоружения в одностороннем порядке. Наш официальный подход заключается в том, чтобы привлечь к будущим переговорам третьи ядерные державы, которые пока воздерживаются от такого участия. Как Вы считаете, можно ли найти выход из сложившейся ситуации?

Н. Детинов: Если посмотреть на сегодняшнюю ситуацию в исторической ретроспективе, то наши отношения с США переживали и худшие времена. Так, первые переговоры по стратегическим наступательным вооружениям СНВ (ОСВ-1) начались в 1969 году на фоне эскалации войны во Вьетнаме, событий в Чехословакии 1968 года и общего ухудшения международного климата. Тем не менее вопрос о необходимости вступления в эти переговоры с целью укрепления безопасности и предсказуемости в отношениях между двумя странами перевесил возражения скептиков, отвергавших переговорный путь или выдвигавших дополнительные условия для начала этих переговоров. Не менее острая ситуация сложилась в первой половине 1980-х годов, когда США, объявив СССР «империей зла», приступили к развертыванию ракет средней дальности в Европе. Тогда СССР ушел со всех переговоров с Соединенными Штатами с полным ощущением, что две стороны «смертельно» и надолго поругались. Тем не менее достаточно скоро переговоры снова начались, и на них были достигнуты значительные успехи. Кстати, эти переговоры возобновились еще до того, как М.С. Горбачев был избран Генеральным секретарем ЦК КПСС.

А. Савельев: Я так понимаю, что и в конце 1960-х годов, и в середине 1980-х наши стороны пришли к выводу о том, что достичь реальной безопасности в одностороннем плане практически невозможно. Мне представляется, что сейчас ситуация во многом похожа на времена Рейгана. Существует достаточно распространенная точка зрения, что никакие переговоры с США нам не нужны, того соглашения, которое уже есть, вполне достаточно. США пойдут на новые договоренности только в случае, если им это выгодно. С интересами России они считаться не будут. В России скептицизм в данной сфере весьма велик, и очень много политиков и экспертов настроены весьма пессимистически. К тому же в России объявлено о планах перевооружения в стратегической области, включая создание и развертывание новой МБР с РГЧ, которую часто называют «тяжелой».

Н. Детинов: Я не сомневаюсь в том, что нам необходимо продолжить переговорный процесс. Выиграть в гонке ядерных вооружений, так же как и в ядерной войне, даже при наличии у какой-то из сторон системы ПРО невозможно. Все попытки получить какое-то преимущество путем создания и развертывания новых систем стратегических вооружений бесполезны. Ведь на каждое действие в сфере наращивания и совершенствования стратегических сил неизбежно будет дан ответ. Может начаться новый этап гонки вооружений, и я не вижу в этом никаких положительных перспектив. Единственный путь укрепления безопасности – это переговоры и достижение взаимовыгодных соглашений. Совершенно ясно, что ни США, ни Россия не могут обрести потенциал первого удара.

А. Савельев: Я не совсем понимаю, зачем нужно стремиться к обретению потенциала первого удара, к созданию «плотной» системы ПРО для отражения ответного удара со стороны России? Зачем тратить на это огромные средства? Может быть, пора включить здравый смысл и о чем-то договориться, а не подозревать друг друга в худших намерениях?

Н. Детинов: Я считаю, что в сложившейся ситуации именно Россия больше всего заинтересована в том, чтобы договариваться с США, установить с ними нормальные предсказуемые экономические, политические и стратегические отношения. Тем более что в политическом плане у нас нет антагонистических противоречий, какие были раньше. Сейчас, я считаю, американцы нас боятся, боятся нашей непредсказуемости.

А. Савельев: Мне представляется, что в этой подозрительности не последнюю роль играет принцип стратегической стабильности, который диктует необходимость поддержания мощ-

ных стратегических вооружений, паритета, баланса сил. И если этот баланс будет нарушен, то США могут на нас напасть, как минимум шантажировать. На мой взгляд, это какая-то паранойя. Почему мы должны постоянно жить в этом страхе? Хотя, как известно, некоторые считают, что безопасность – это дитя страха.

Н. Дитинов: Я считаю, что мы в какой-то степени уже прошли тот этап, когда считалось правильным находиться в состоянии «баланса страха». И США, и мы уже поняли, что нужно искать какую-то другую базу наших стратегических отношений. На мой взгляд, единственный выход из этого положения – это не запугивать друг друга, а искать взаимоприемлемые решения.

А. Савельев: А как бы Вы отнеслись к идее уничтожения всего ядерного оружия, которое нацелено или было ранее нацелено друг против друга?

Н. Дитинов: Мне эта идея нравится. Я думаю, что и в США многие воспримут это положительно. Разумеется, скептики скажут, что проверить, на кого конкретно нацелена та или иная система оружия, невозможно, но в целом такая идея, как я думаю, будет поддержана в США на различных уровнях.

А. Савельев: Я согласен, что такая проверка практически невозможна. Но мы знаем, что, например, большинство российских и американских МБР нацелены друг против друга. И, как я думаю, именно эти системы могут стать тем предметом обсуждений, о которых можно сегодня говорить. Будет ли хуже, если мы на взаимной основе ликвидируем эти системы?

Н. Дитинов: Если обе стороны ликвидируют, то будет лучше, но остается вопрос с третьими странами.

А. Савельев: А что нам мешает предложить третьим странам присоединиться к такой инициативе?

Н. Дитинов: Я думаю, мы должны это предложить.

А. Савельев: В данном случае речь может идти об изменении базового подхода к проблеме дальнейших сокращений ядерных вооружений. А именно двигаться по пути не столько количественных сокращений ядерных боезарядов, сколько по качественному направлению – ликвидации всех баллистических ракет наземного базирования дальностью свыше 500 км. При этом подобное соглашение необходимо предложить не только Соединенным Штатам, но и остальным ядерным державам «Большой пятерки» – Великобритании, Франции и Китаю.

Н. Дитинов: Я считаю эту идею очень продуктивной. Она позволяет уйти от двустороннего подхода к переговорам по ядерному разоружению к многостороннему. Я считаю, эти вопросы следует обсудить на многосторонней основе. По крайней мере,

мы получим представление о возможной реакции третьих стран на подобные перспективы. После этого станет ясно, сможем ли мы достичь реальной договоренности. Кстати, 500 км – не обязательный предел. Может быть, мы договоримся и о меньшей дальности. Подключение этих стран к переговорам может снизить степень неопределенности, которая всегда отрицательно сказывалась на достижении двусторонних соглашений между СССР и США и сейчас – между Россией и США.

А. Савельев: Здесь следует напомнить, что названные пять ядерных держав имеют официальные обязательства перед другими странами вести переговоры об эффективных мерах по остановке гонки вооружений с конечной целью полной ликвидации ядерного оружия. Это зафиксировано в Договоре о нераспространении ЯО 1968 года. Поэтому такой шаг должен сыграть положительную роль в деле укрепления режима нераспространения.

Н. Детинов: Многосторонние переговоры выглядят более перспективными, чем продолжение диалога только между Россией и США. Поскольку чем дальше мы продвинемся по пути сокращений ЯО, тем большее воздействие на международную безопасность будут оказывать арсеналы третьих ядерных держав. Переход к многосторонним переговорам в этом плане выглядит гораздо перспективнее. До сегодняшнего дня пятисторонних обсуждений этой проблемы не было.

А. Савельев: Такой подход, как я думаю, соответствует и нашей официальной позиции, которая исходит из того, что в дальнейших шагах по ядерному разоружению должны участвовать и третьи ядерные державы, а не только Россия и США. Как Вы считаете, может ли названная идея стать такой базой для переговоров?

Н. Детинов: Мне кажется, что вполне может. Если бы именно Россия предложила такой подход, это был бы большой плюс для нас. Даже если мы ни о чем в дальнейшем не договоримся. Но такой шаг был бы большим дипломатическим выигрышем для России.

А. Савельев: Я согласен, но, как представляется, для того чтобы этот шаг сделать, необходимо дать соответствующее обоснование. Ведь почти наверняка у него найдется масса противников, которые будут выражать скептицизм по многим аспектам подобного подхода.

Н. Детинов: Да, это так, но все эти противники и скептики сами не могут предложить ничего конструктивного. А критиковать и сомневаться легче всего. Я считаю, они мало задумываются о последствиях нашей пассивности в этой сфере. Мало

того что продолжится разорительная гонка вооружений, ведь еще и повысится угроза войны.

А. Савельев: В любом случае, на мой взгляд, критику, если она конструктивна, учитывать следует. Поэтому любые новые идеи следует обсудить с авторитетными специалистами. И я весьма благодарен, что Вы согласились поделиться своими соображениями на этот счет.

Н. Детинов: Я думаю, что реализация идеи пятисторонних обсуждений названных вопросов была бы очень полезной. Хотя, естественно, вероятность того, что мы сможем быстро договориться по всем аспектам проблемы, достаточно мала. Но сам факт такого обсуждения был бы весьма полезен, и он мог бы стать прологом серьезных переговоров. Поэтому я полностью поддерживаю эту идею. Двусторонний подход к проблемам безопасности себя исчерпал. Пусть для начала это будут не переговоры, а какой-то обмен мнениями, обсуждения, дебаты в рамках отдельных форумов. И если именно Россия выступит с подобной инициативой, это будет правильным шагом.

*Беседовал Александр Георгиевич Савельев,
заведующий отделом стратегических исследований
ИМЭМО РАН, докт. полит. наук.*

Интервью с Виктором Ивановичем Есиным,
генерал-полковником в отставке,
советником командующего РВСН РФ

О РОЛИ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ И МНОГОСТОРОННИХ ПЕРЕГОВОРАХ ПО РАЗОРУЖЕНИЮ

А. Савельев: Виктор Иванович, сегодня многие в России считают, что мы находимся в тупике по вопросам дальнейших шагов в сфере ядерного разоружения. При этом явно ощущается дефицит новых идей в данной области. Нельзя забывать, что Россия, как и другие ядерные державы «Большой пятерки», имеет обязательства перед мировым сообществом продолжать переговоры в данной сфере с конечной целью полного избавления от ядерного оружия. Мне представляется, что с точки зрения перспектив переговоров американские идеи выглядят не совсем последовательными. Так, в ходе выработки Договора по СНВ 2010 года американцы убеждали нас, что речь в первую очередь должна идти о развернутых стратегических боезарядах, т.е. о тех, которые смонтированы на носителях и готовы к немедленному применению. Россия в конечном итоге с этим согласилась, несмотря на определенные подозрения, что неразвернутые боезаряды могут быть возвращены на носители. Это согласие, на мой взгляд, было обусловлено тем, что с точки зрения безопасности в первую очередь следует ограничить именно развернутые боезаряды и развернутые носители. Но теперь они изменили свою позицию и говорят уже обо всех боезарядах – как развернутых, так и неразвернутых; как стратегических, так и тактических, практически приравнивая все их друг к другу. На мой взгляд, такой подход нельзя считать обоснованным. Например, российское тактическое ядерное оружие вообще никак не угрожает США, в то время как аналогичное американское оружие, находящееся в Европе, может быть доставлено до территории РФ и с этой точки зрения является для нас стратегическим. Поэтому данный подход для меня не совсем ясен. Мы хотим чисто механически сократить количество ядерных боезарядов или же все-таки должны ставить во главу угла проблему безопасности? На мой взгляд, любые переговоры в сфере контроля над вооружениями должны вести в первую очередь к укреплению безопасности и только во вторую – к сокращениям. При этом вопрос безопасности отнюдь не является двусторонним. Ядерные арсеналы третьих стран

также могут создавать определенную угрозу. Кроме того, их развитие и совершенствование ничем не ограничено. Ни Великобритания, ни Франция, ни Китай не являются участниками переговоров по разоружению и действующих соглашений в данной области. Аргументы этих стран хорошо известны – все они базируются на факте значительного превосходства размеров ядерных арсеналов России и США над арсеналами этих государств. Но с точки зрения безопасности, как я считаю, «размер» не является самым главным. Как минимум хотелось бы иметь предсказуемость в области перспектив развития арсеналов «третьих» стран. Как максимум – привлечь их к конкретным переговорам и заключить соглашение, повышающее безопасность каждой из этих стран, но уже на многосторонней основе. Как можно заинтересовать эти страны принять участие в процессе ядерного разоружения именно с точки зрения укрепления безопасности при обязательном условии дальнейшего понижения уровней российского и американского арсеналов? Я думаю, речь может идти о международном договоре, налагающем запрет на создание, испытания и развертывание баллистических ракет наземного базирования дальностью свыше 500 км. В основе этого подхода может лежать идея поэтапной ликвидации всех ядерных средств, нацеленных (или которые могут быть нацелены) друг против друга. Такой подход может, по моему мнению, заменить существующую концепцию стратегической стабильности, которая исходит из предположения, что безопасность каждой из сторон зависит от их способности друг друга уничтожить. Это – старый подход, который, на мой взгляд, себя уже изжил. Что касается МБР, о которых идет речь, то следует ответить на вопрос о том, действительно ли эти системы оружия жизненно важны для нашей безопасности? Хотелось бы выслушать Вашу точку зрения.

В. Есин: Я согласен, что нам необходимо искать выход из того тупика, в котором оказались ядерные государства, имеющие обязательства перед мировым сообществом согласно статье 6 ДНЯО. Я считаю, что можно предлагать различные варианты. Но в предложенном Вами варианте, если мы убираем наземную компоненту стратегических ядерных сил, остаются нетронутыми морская и авиационная компоненты. Здесь сразу же возникает дисбаланс с США. А в условиях дисбаланса договариваться очень тяжело. У США основу СЯС составляет морской компонент, у России – наземный. К сожалению, российские морские силы существенно уступают американским, прежде всего по боевой устойчивости. Наряду с прочим США имеют географическое преимущество, и с этим ничего нель-

зя поделаться. В авиации у США – значительное превосходство. Таким образом, «размен» будет неадекватным для России и для США. Поэтому политически это вряд ли осуществимо. Я с Вами полностью согласен, что ядерное стратегическое оружие не является оружием поля боя. Это политическое средство, средство сдерживания.

А. Савельев: Я говорю прежде всего не о политических решениях и политической роли ядерного оружия, а о его военной «ценности» с точки зрения влияния на безопасность. Еще раз подчеркну, никто не предлагает немедленно приступить к ликвидации МБР. Речь идет об оценке возможности принять новый подход к вопросу о ядерном разоружении, предусматривающий участие в нем как минимум всех пяти «официальных» ядерных держав, причем еще до того, как Россия и США сократят свои арсеналы до уровня Великобритании, Франции и Китая. Я пытаюсь предложить ту базу для многосторонних переговоров, которая могла бы, на мой взгляд, быть приемлемой для всех сторон и которая бы не подрывала основы их безопасности.

В. Есин: Я думаю, что к такому радикальному решению Россия еще не готова. Но, хочу повторить, исследование различных путей продолжения процесса ядерного разоружения является весьма важным. Единообразие мышления здесь может только навредить.

А. Савельев: А как Вы видите такое продолжение?

В. Есин: Я считаю, что мы пока в обеспечении своей безопасности опираемся главным образом на ядерное оружие. Нужно время, чтобы политическое и военное руководство изменило свое мнение по данному вопросу. Поэтому я – сторонник постепенных шагов. Если говорить о ликвидации наземного компонента стратегических ядерных сил, то одновременно необходимо решить вопрос с морским и авиационным компонентами. Например, ограничить районы патрулирования ПЛАРБ, сократить их количество до примерно равных уровней, решить вопрос со стратегической авиацией. Плюс к этому нас сильно беспокоит проблема ПРО, высокоточного оружия большой дальности и ряд других вопросов.

А. Савельев: Это означает, что мы и в будущем обречены строить нашу политику безопасности исходя из сложившихся стереотипов «холодной войны», рассматривать друг друга в качестве «вероятных противников», всячески опасаясь нарушить ядерный баланс. Это и есть тот самый тупик, о котором мы говорили. Мы действительно опасаемся, что на нас нападут, нанесут ядерный удар?

В. Есин: Я думаю, что никто всерьез о таком сценарии не говорит. Но и подрыва стратегического баланса наше руководство не допустит. Необходим определенный период «привыкания» к новым реалиям. И с этой точки зрения мне импонирует идея постепенного снижения уровня боеготовности СЯС. Например, если мы сократим количество боеготовых систем на 20, 30, 50%, то через какой-то промежуток времени можно ставить вопрос и об их поэтапной ликвидации.

А. Савельев: Но этот подход может быть использован только в отношениях России и США. Я же предлагаю рассмотреть вопрос о подключении к переговорам по разоружению всех стран «пятерки» уже на следующем этапе и на других основах, нежели чем «стратегическая стабильность». Если сказать кратко, то девизом этих переговоров может стать «доверие, предсказуемость, снижение угрозы».

В. Есин: Я высказал некоторые сомнения по поводу Вашей идеи не для того, чтобы представить ее полностью несостоятельной. Я считаю, что любые идеи имеют право на существование. Их необходимо обсуждать, сопоставлять, выявлять сильные и слабые стороны с тем, чтобы в процессе таких обсуждений вырабатывать взвешенные и обоснованные предложения для политического руководства.

А. Савельев: На мой взгляд, наше военно-политическое руководство придает слишком большое значение роли ядерного оружия в обеспечении безопасности РФ. Те реальные угрозы и вызовы, с которыми мы сталкиваемся сегодня, в большинстве случаев не могут быть парированы при помощи этого оружия. Это и международный терроризм, и распространение ракетного и ядерного оружия, не говоря уже об экономических, экологических и других проблемах. Большинство экспертов признают, что вероятность ядерного столкновения между Россией и США крайне мала. А мы тратим основные усилия для того, чтобы противостоять именно этой, наименее вероятной угрозе. Учитывая ограниченность наших ресурсов по сравнению с теми же США, а теперь уже с Китаем и рядом других стран, эффективность наших расходов на оборону может быть более низкой, чем простая разница в сумме ассигнований на военные цели у нас и за рубежом. Иными словами, мы тратим непропорционально большую часть своих средств не совсем на то, что требуется в современных условиях. Мы пытаемся сами себя обмануть, говоря о том, что ядерное оружие якобы «компенсирует» нашу слабость в силах и средствах общего назначения. Ведь при возникновении вооруженных конфликтов и даже войн локального характера ядерное оружие практически

никакой роли не играет. Поэтому я считаю, что если четко выстроить стабильную систему контроля над ядерными вооружениями, то основные приоритеты военного строительства и модернизации вооруженных сил можно будет сместить в область современных систем оружия и строительства армии, отвечающей требованиям сегодняшнего и завтрашнего дня. Армии, способной гарантированно обеспечить нашу безопасность без ядерного оружия.

В. Есин: Для меня вполне очевидно то, о чем Вы говорите. Вопрос заключается в том, как достичь такого положения без нанесения ущерба безопасности страны. Поэтому, повторяю, подобные идеи должны стать предметом серьезного обсуждения и анализа с учетом всех факторов, влияющих на принятие обоснованного решения по этой крайне важной проблеме.

*Беседовал Александр Георгиевич Савельев,
заведующий отделом стратегических исследований
ИМЭМО РАН, докт. полит. наук.*